

Когда Чжоу-гэр заглянул к ним, Лю-лю еще не расправился со своим баоцзы, хотя миска с жареным мясом и квашеной капустой заметно опустела. Фан Цзычэнь давно наелся: жирная свинина в сочетании с кислинкой капусты оказалась настолько хороша, что он в одиночку уплел три пышные булки. Чжао-гэр съел две; поначалу он всё стеснялся притрагиваться к мясу, но Цзычэнь так настойчиво подкладывал ему лучшие кусочки, что в итоге и он наелся досыта.

Малыши ели с упоением. Сжимая баоцзы обеими руками, они так набивали щеки, что становились похожи на запасливых хомяков. Фан Цзычэнь, наблюдая за этой картиной, не мог удержаться от баловства: он то одного ткнет пальцем в пухлую щеку, то другого, мешая детям сосредоточиться на еде.

Из-за этих шуток Лю-лю всё еще доедал свой ужин, когда на пороге появился его папа. Чжоу-гэр, зная, как дорого стоит белая мука, чувствовал себя крайне неловко из-за того, что его сына так щедро потчуют. А когда по дороге домой он узнал, что Лю-лю еще и танхулу съел, смущение и вовсе стало почти невыносимым. Однако он не стал запрещать ребенку принимать угощения в доме дяди Чжао; он лишь ласково напомнил, что нужно обязательно благодарить за доброту.

С Чжао-гэром их связывала крепкая дружба, и если сейчас его семья не могла отплатить тем же, гость решил, что обязательно восполнит это позже.

«У Чжао-гэра в огороде овощи еще не спели. Завтра же принесу им чего-нибудь свежего»

После ужина Фан Цзычэнь затеял во дворе игру с Гуай-цзаем. Он то прикидывался свирепым тигром, то завывал злым духом, грозя «съесть» маленького сорванца. Малыш с восторженными криками носился по всему двору, а когда Цзычэнь всё же ловил его и принимался шутливо «грызть» животик, заливался таким звонким смехом, что на глазах выступали слезы. Послушный малыш еще никогда не играл в такие захватывающие игры, и даже когда Чжао-гэр позвал его мыть ноги перед сном, ребенок не хотел уходить, поглядывая на отца с явным сожалением.

Видать, беготня и впрямь вымотала ребенка: стоило ему коснуться подушки, как он мгновенно провалился в глубокий сон.

Фан Цзычэнь вошел в комнату, всё еще окутанный прохладной влагой после купания, и увидел, что Чжао-гэр манит его рукой.

— Это одежда, которую сшила тётушка Лю. Примерь-ка, посмотри, ладно ли сидит.

Мастерство тётушки Лю было безупречным — тридцать лет опыта давали о себе знать. Ткань оказалась добротной и приятной к телу, а крой — на удивление точным: там, где нужно, рубаха сидела свободно, а там, где следовало — подчеркивала мужскую фигуру. В новом наряде худощавое, но подтянутое тело Фан Цзычэня казалось еще более статным.

Правду говорят: человека красит одежда. Раньше, в обносках с чужого плеча, юноша походил на разорившегося книжника, но теперь он преобразился в истинного благородного господина, чей облик излучал мягкость и достоинство, подобно драгоценному нефриту.

Чжао-гэр застыл, не в силах отвести взгляд. Его глаза наполнились таким неприкрытым восхищением, что Цзычэнь даже немного застеснялся.

— Эй, очнись, — он с жаром в лице стянул обновку и протянул её супругу. — Убери пока подальше.

— Неужели не будешь носить? — с легким разочарованием спросил Чжао-гэр.

— На пристани в таком работать неудобно, — отрезал Фан.

Дело было даже не в удобстве, а в здравом смысле. Вы когда-нибудь видели, чтобы в дорогом костюме таскали мешки на горбу?

Устроившись в постели, Чжао-гэр долго не мог уснуть. Вспомнив недавний разговор за столом, он негромко спросил:

— Как ты думаешь... Сяовэнь сможет вернуться?

Лю Сяовэнь был мужем Чжоу-гэра. Они втроем выросли вместе, были, что называется, «друзьями детства». Прошло уже три года с тех пор, как Сяовэня забрали в армию, и с тех пор от него не было ни единой весточки. За него переживали все: и родные в семье Лю, и сам Чжао-гэр. Он понимал, что Цзычэнь вряд ли знает наверняка, но просто хотел услышать слова утешения для душевного спокойствия.

Фан и впрямь не имел ни малейшего представления о судьбе парня. Зная, какие кровопролитные бои идут на границе, он понимал, что тот, скорее всего, уже погиб. Но сказать правду в лицо он не решился.

— На войне ведь не каждого сразу в пекло бросают, — рассудительно начал он. — Везунчиков определяют в тыл, например, хотоуцзюнями. Там служба куда безопаснее.

— Кто такие хотоуцзюни? — Чжао-гэр, не смысливший в армейских порядках, приподнялся на локте.

— Повара армейские, — пояснил Цзычэнь. — Подумай сам: солдатам ведь тоже нужно что-то есть. Жены или фуланы за ними в походы не ходят, значит, должен быть кто-то, кто кашу варит. Нельзя же посреди сражения или на посту вдруг заявить: «Погодите, господин враг, я проголодался, а обед еще не готов. Давайте пока воевать перестанем, я схожу рис поставлю, а как наемся — вернемся к нашей битве».

Собеседник невольно улыбнулся — логично. Но тут же снова посерьзел:

— Но почему тогда от него за столько лет ни одного письма?

— А твой Сяовэнь грамоте обучен?

Лю Сяовэнь не знал ни единого иероглифа, будучи неграмотным до мозга костей. Чжао-гэр лишь молча покачал головой.

— Ну вот тебе и ответ, — Цзычэнь заложил руки за голову, искосо поглядывая на него. — Как он напишет, если букв не знает? А даже если найдет кого-то, кто за него черкнет пару строк — граница-то от нас за тридевять земель. Кто потащит письмо через всю страну задаром? Почтари денег стоят, а откуда они у простого солдата?

Он широко зевнул, чувствуя, как накатывает сон.

— Спи уже. Может, через пару дней он и сам на пороге появится.

К концу июня на пристани наконец разгрузили последнюю партию товара. Для работников это означало лишь одно — безработицу.

Фан Цзычэнь пребывал в дурном расположении духа. Во время обеденного перерыва он решил немного прогуляться по городу и сам не заметил, как ноги привели его к «Кабинету Кондитерских Изделий».

Внутри какой-то крепкий мужчина с дорожным узлом за плечами расплачивался у прилавка. Приказчик, заметив, что тот выбирает сладости, которые обычно любят девушки или гэры, с улыбкой подмигнул:

— Для кого стараетесь, почтенный гость?

— Для своего фулана, — ответил тот.

— Ну, вашему супругу точно повезло с мужем!

Человек усмехнулся, забрал сверток и направился к выходу. Стоило Фан Цзычэню разглядеть его лицо, как он тут же нахмурился.

«Ну и пакость... Неужто у Ма Дачжуана настолько заурядная рожа, что подобные типажи встречаются на каждом углу?»

Настроение гулять пропало окончательно.

Вечером, когда пришло время окончательного расчета, Брат Ян, заметив кислую мину парня, решил подбодрить его. Дождавшись, когда остальные разойдутся, он отвел Цзычэня в сторону:

— Слушай, есть у меня для тебя одно дельце. Возьмешься?

Глаза молодого человека мгновенно вспыхнули надеждой:

— Конечно! Если только не заставляете людей резать или дома поджигать — за всё возьмусь.

— Мой двоюродный брат служит управляющим в «Башне Пьяной Ночи». Им как раз толковый счетовод требуется.

Те две расчетные книги, которые Фан привел в порядок, Брат Ян показал хозяину. Тот пришел в полный восторг: ни единой ошибки, всё четко, ясно и красиво изложено. Хозяин даже расспрашивал, кто этот умелец, и не скупился на похвалы. А тут как раз родственник заглянул на днях — выпили по чарке, и тот начал жаловаться: мол, набрали помощников, а они бестолочи, во всём путаются, ошибки плодят. Ему приходится и за порядком в заведении следить, и в счета вникать — голова кругом.

Управляющий на пристани, зная, что Цзычэнь работающий и честный, сразу и предложил его кандидатуру. Брат согласился взглянуть на него.

Фан Цзычэнь низко поклонился:

— Премного благодарен вам за доброту!

Брат Ян лишь отмахнулся:

— Я только слово замолвил, а уж выйдет толк или нет — всё от тебя зависит.

Но юноша в собственных силах не сомневался ни секунды. Он уже чувствовал — дело верное.

На следующее утро Чжао-гэр встал ни свет ни заря. Стоило Цзычэню уйти, как на пороге появились Чжоу-гэр с Лю-лю. В руках гость держал корзину с капустой. Когда он протянул её другу, папа Гуай-цзай попытался отказаться:

— В горах полно дикой зелени. Пока моего мужа нет дома, мы с малышом наберем чего-нибудь да поедим, а ты эти овощи лучше на рынке продай.

— Всего-то пара кочанов, а ты важничаешь, — перебил его Чжоу-гэр. — Вчера Лю-лю у вас столько всего съел... Если не возьмешь, я его к вам больше и отпускать побоюсь.

Довод был серьезным, и Чжао-гэр сдался. Лю-лю, оглядевшись по сторонам и не найдя друга, спросил:

— Дядя Чжао, а где Гуай-цзай?

— Спит еще соня, — хозяин указал на дверь комнаты.

Мальчик захлопал ресницами:

— А можно мне на него посмотреть?

— Конечно, иди.

Чжоу-гэр посмотрел, как сын юркнул в комнату, и со смехом покачал головой:

— Сегодня поднял меня еще до рассвета. Твердит: «Пойдем к дяде Чжао долг благодарности возвращать». Я как услышал, чуть со смеху не помер.

Друг тоже не удержался от улыбки.

— Ты ведь сегодня не слишком занят? — спросил гость и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: — Мне нужно с матерью на ярмарку съездить, а отец в горы ушел траву косить. Пригляди за Лю-лю, будь другом.

В деревне так и заведено: если взрослые заняты, детей пристраивают к соседям. Те, кто попроще, и вовсе запирают дом, оставляя детвору носиться по улицам на вольном выпасе.

Когда Гуай-цзай наконец проснулся, Чжао-гэр разогрел три оставшихся баоцзы, и вся компания отправилась в горы. Дети, подкрепившись, работали с таким рвением, словно в них

вселился неутомимый дух: хворост они собирали наперегонки.

Трое весело переговаривались, укладывая первую охапку, как вдруг издалека донесся чей-то голос:

— Чжао-гэр?

Смех мгновенно оборвался.

<http://bllate.org/book/15357/1420306>